

Викентий Чекушин

Назад к Третьему Риму:

КОНЦЕПЦИЯ КАТЕХОНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Vikentiy Chekushin

Back to the Third Rome: The Idea of the Katechon in the Journalism of the Great Patriotic War

Викентий Чекушин

Сибирский федеральный университет, научный сотрудник; СибГУ им. М.Ф. Решетнева, старший преподаватель, кафедра общественных связей; кандидат филологических наук
vikesha@bk.ru.

Ключевые слова: публицистика, библейский дискурс, церковь, религия, идеология, пропаганда

УДК: 82

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_64

В статье анализируется библейский субстрат публицистики советских писателей периода 1941–1945 годов, ставшей одним из важнейших пропагандистских инструментов в годы Великой Отечественной войны. Христианская топика позволяла описывать крупнейшие сражения в эсхатологическом регистре; также с ее помощью конструировался «экспортный» образ СССР. После перелома в войне изменилось и содержание пропаганды — в прессе активно эксплуатировалась новая модификация концепции «Москва — третий Рим», идеологически оформлявшая претензии руководства СССР на лидерство в славянских странах Европы и на континенте в целом.

Vikentiy Chekushin

PhD; Siberian Federal University, researcher; Reshetnev Siberian State University, Department of Public Relations, Senior Lecturer
vikesha@bk.ru.

Keywords: journalism, biblical discourse, church, religion, ideology, propaganda

УДК: 82

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_64

The article analyzes the biblical undertones of journalism produced by Soviet writers during the 1941–1945 Great Patriotic War, when such rhetoric served as an essential tool of propaganda. Christian tropes entered the descriptions of the largest battles, giving them an eschatological character; such rhetoric was also used to construct an image of the USSR abroad. After the war's turning point, the content of propaganda also changed: the press actively exploited an updated version of the «Moscow, the Third Rome» concept, in order to frame ideologically the USSR leaders' claims to primacy among the Slavic countries of Europe and the continent as a whole.

Перефразировав Джона Донна, можно сказать, что нет гуманистариев подобных островам — каждый является частью больших научных «материков»-институций. В особых случаях таким институтом становится выдающийся ученый. Катерина Кларк является примером одного из таких блестящих исключений. В своих монументальных исследованиях она смогла разработать собственный язык, систему понятий и методологию, которые в итоге сильно изменили наши представления о сталинской культуре. Ее наследие так велико и необычно, что даже идеи, сформулированные в сносках, могут стать основой для отдельных научных исследований.

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00050, <https://rscf.ru/project/24-78-00050/>, Сибирский федеральный университет.

К сожалению, автору не удалось познакомиться с профессором лично, но восхищением ее работами во многом вдохновлена эта статья. Мое исследование начинается там, где заканчивается знаменитая книга Кларк «Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941)». В ней выдающийся ученый убедительно показала, как значительная часть советских интеллектуалов в, казалось бы, «автаркичные» 1930-е годы пытаясь сделать Москву новым «постсекулярным» мировым центром — «четвертым Римом». Позднее этим мечтам было суждено сбыться, однако совсем не так, как представляли себе герои книги Кларк (один из них — И.Г. Эренбург, чья публицистика стала важным объектом исследования в моей статье), видевшие глобальным средством влияния прежде всего культуру. Однако основным инструментом советской гегемонии стала не культура, а военное превосходство.

Победа в Великой Отечественной войне вынудила советских идеологов значительно трансформировать и даже архаизировать обоснования глобального лидерства Москвы, поэтому к моменту ее окончания сталинизм изобрел очередного идеологического кадавра, где сочетались «националистическ[ий] интернационализм» и «атеистическо[е] мессианств[о]»². Во многом для сглаживания этого диссонанса был восстановлен институт патриаршества и частично легитимирована религия. Москва, в свою очередь, снова стала мыслиться в дореволюционной парадигме «Третьего Рима», что способствовало окончательному оформлению идеологии национал-большевизма.

* * *

Патриарший местоблюститель Сергий (Страгородский) узнал о нацистском нападении днем 22 июня, вероятно, прослушав по радио речь Наркома иностранных дел В.М. Молотова³. Сразу после этого он написал свое знаменитое «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви»⁴. Сергий размножил документ на ротаторе и разослал по оставшимся в СССР приходам (спецслужбы не препятствовали этому поступку, хотя по советским законам он был наказуемым — церковь не могла вмешиваться в решение государственных вопросов)⁵. Он сравнивал нападение нацистов с «времена[ми] Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона» и предлагал вспомнить не только «святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину», но и «неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена

2 *Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М.: РОССПЭН; Фонд Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2010. С. 14.

3 *Шкаровский М.В.* Благословление на подвиг // Журнал Московской Патриархии. 2021. № 6. С. 14.

4 Всего за годы войны Сергий обратился к верующим 24 раза. Его послания «носили не только <...> консолидирующий характер, но и имели разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом» (Шкаровский М.В. Благословление на подвиг. С. 146).

5 *Поспеловский Д.В.* Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 1996. С. 283.

которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях»⁶. Автор послания дважды употребил эпитет «священный»: по отношению к долгу защиты родины, а также границам страны (вскоре словосочетание «священная война» станет одним из самых популярных пропагандистских клише).

Спустя два дня, 24 июня, вышел первый после немецкого нападения номер главной армейской газеты «Красная звезда», главный редактор которой Д.И. Ортенберг, судя по всему, первым осознал необходимость привлекать ведущих писателей к созданию пропагандистских материалов. В итоге именно их публистика стала едва ли не главным инструментом мобилизации населения СССР⁷. Так, уже в этом номере была напечатана статья В.В. Вишневского «Уроки истории», где автор прослеживал хронологию битв с немцами от XIII века, когда «Россия, не дрогнув, приняла удар немецких “псов-рыцарей” <...> [н]а льду Чудского озера», вплоть до событий немецкой интервенции пореволюционных лет. По итогам последней «Германия снова, — в какой раз за восемь веков! — узнала, что... грозен, страшен наш народ, когда задеваю его права, его честь, его достояние, его землю»⁸. По центру этой же страницы было размещено стихотворение В.И. Лебедева-Кумача «Священная война». Положенное на музыку, оно, как хорошо известно, стало одним из гимнов сопротивления нацистам. Впоследствии Ортенберг вспоминал, что эти слова «пронзили и нас, газетчиков», поэтому их сразу стали использовать в передовицах⁹.

Парадоксальным образом с первых дней войны обращения к библейской лексике и сюжетам из дореволюционного прошлого появились и в обращении главы запрещенной в СССР церкви, и в одной из важнейших советских газет¹⁰. Эксплуатация такого сочетания элементов, видимо, способствовала решению нескольких задач: 1) заполнению информационного вакуума, так как цензоры запрещали публиковать неутешительные сводки с фронта¹¹; 2) конструированию нового идеологического нарратива, где деятельность Сталина оказывалась

-
- 6 Русская православная церковь и Великая Отечественная война: Сборник церковных документов. М.: Первая образцовая тип. ОГИЗа, 1943. С. 4.
- 7 Во вступительной статье к своей переписке с Ортенбергом Н.С. Тихонов так оценивал его роль в качестве редактора «Красной звезды»: «Он привлек к участию в газете лучших писателей и поэтов, и газета, больше других богатая фронтовыми сообщениями и яркими корреспонденциями, имела тогда хождение по всем фронтам, по всей стране» (Ортенберг Д.И. Время не властно. М.: Советский писатель, 1979. С. 140).
- 8 Вишневский В.В. Уроки истории // Красная звезда. 1941. 24 июня.
- 9 Ортенберг Д.И. Июнь — декабрь сорок первого. М.: Советский писатель, 1986. С. 10. О том, как создавался первый после начала войны номер «Красной звезды», см.: Там же. С. 7–11.
- 10 В.Н. Якунин подсчитал, что в других авторитетнейших советских газетах («Известиях» и «Правде») с июля 1941 по июль 1945 года было опубликовано более 100 статей, «где в той или иной степени затрагивались религиозные проблемы и тема патриотического участия верующих в Великой Отечественной войне» (Якунин В.Н. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 годы. Тольятти: Изд-во ТГАС, 2004. С. 90).
- 11 О том, насколько пристально цензоры следили за публикацией новостей об обстановке на фронте, красноречиво свидетельствует дневниковая запись А.Я. Яшина от 9 августа 1941 года: «Отпечататели 70 экз. газеты “Залп балтийцев” № 1 и пришлоось их уничтожить из-за лозунга: “трудью своей отстоим город Ленина”. Надо: “...подступы к городу Ленина!” Ошибку заметил военком» (Яшин А.Я. Дневники. 1941–1945. М.: Советская Россия, 1977. С. 20).

не на первом плане¹²; 3) ответу на запрос рядовых граждан СССР, поскольку «[т]яжелые испытания и лишения... стали одной из причин значительного роста религиозности» практически с первых дней войны (подробнее этот феномен будет описан ниже)¹³. Ответить на этот запрос, судя по всему, пришлось и Сталину, выступившему с первым обращением по радио лишь 3 июля, спустя почти две недели после начала боевых действий. Как известно, в начале своей речи он обратился к жителям СССР так: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры!»¹⁴.

Интенсификация использования библейской топики в советской публицистике росла по мере продвижения немцев к Москве. Так, в статьях о битве за столицу писатели с разной степенью эксплицитности апеллировали к концепции катехона («удерживающего»), восходящей ко второму посланию апостола Павла к Фессалоникийцам. Концепт катехона «представля[л] исключительное значение как для теологической традиции, так и для политической философии Нового времени»¹⁵. Согласно одному из самых распространенных толкований, задача государства-катехона заключалась в том, чтобы удерживать мир от прихода Антихриста. В марксистской мысли «функцию “катехона” выполня[ло] рабочее движение и демократические институты, способные сдержать человечество на пути капиталистической деградации», квинтэссенцией которой считалось появление фашистских государств¹⁶. В годы войны враг, естественно, остался тем же, однако функцией «удерживающего» наделялся уже не только рабочий класс, а Красная армия и советский народ в целом. Вскоре в трактовку понятия «катехон» начал возвращаться и присущий ей изначально религиозный смысл. Судя по всему, писатели, особенно те, кто сформировался в дореволюционной России и в молодости тесно соприкасался с религиозной культурой, в условиях дефицита обнадеживающих сообщений с фронта, начали в той или иной мере использовать библейскую топику как мощный инструмент мобилизации населения, значительная часть которого открыто повернулась к православию¹⁷. Дело в том, что, несмотря на активную

12 См. об этом: *Brooks J. Thank you, comrade Stalin!: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton: Princeton University Press, 2000. С.160–175. Впоследствии И.Г. Эренбург писал: «Я просмотрел комплекты старых газет, с июля по ноябрь 1941 г., — имя Сталина почти не упоминалось, впервые за долгие годы не было ни его портретов, ни восторженных эпитетов» (Эренбург И.Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 2000. С. 654). Параллельно с этим из печати исчезла и тема внутренних врагов (*Руденко М.С. Образ Великой Отечественной войны в публицистике 1941–1945 годов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3. С. 49.*).

13 *Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке*. М.: Вече; Лентга, 2010. С. 146.

14 Все тот же Эренбург со свойственной ему проницательностью так вспоминал первое послевоенное обращение Сталина: «Он говорил коротко, уверенно: в голосе не чувствовалось никакого волнения, и назвал он нас не как 3 июля 1941 г. “братьями и сестрами”, а “соотечественниками и соотечественницами”. Отсутствие сердечности меня огорчило, но не удивило. Он – генералиссимус, победитель. Зачем ему чувства?» (Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 8. С. 104).

15 *Будрайтис И.Б. Что «удерживает» катехон? Конечность государства в консервативной и социалистической мысли // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 15–16.*

16 Там же. С. 28.

17 Важно оговориться, что советское правительство начало системно следить за отношением населения к религии только с конца 1943 года, когда появился специальный

антирелигиозную пропаганду и преследования церкви со стороны государства, в ходе переписи 1937 года «более чем две трети населения страны не побоялись назвать себя верующими»¹⁸. Отсутствие репрессий в отношении духовенства и сворачивание атеистической пропаганды после начала войны дали импульс массовому возрождению религиозных ритуалов и практик. Приведем несколько красноречивых примеров: в 1944–1945 годах число крещений в 5–6 раз пре-высило число рождений. «Это явление объяснялось стремлением граждан окрестить детей, рожденных в 1930-е — начале 1940-х годов и не крещенных в свое время по причине отсутствия священнослужителей»¹⁹. Кроме того, только в 1944 году верующие подали 3770 заявок на открытие храмов в их местности, число же подписчиков одного обращения доходило до 2 тысяч человек²⁰. В итоге с 1941 по 1948 год число храмов на территории СССР выросло с 3021 до 14329²¹. Это свидетельствовало еще и о том, что власти «понимали, что без обращения к некоммунистическим взглядам и ценностям... очень многие солдаты... не станут воевать»²².

Наличие библейского подтекста позволяло придать обороне Москвы дополнительную мессианскую окраску. Столица объявлялась последним рубе-

---

орган, отвечавший за взаимодействие с церковью — Совет по делам РПЦ (См.: *Анасенок А.В. Динамика развития православной культуры на территории послевоенного СССР в зеркале статистики // Советская идентичность и проблемы религиозности: Православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980 годы / Под ред. А.В. Анасенко. Курск: Изд-во РОСИ, 2022. С. 34*). Однако многочисленные свидетельства описывают пробуждение религиозности советских граждан с самого начала войны. Приведем показательный пример из дневниковой записи К.М. Симонова, относящейся к лету 1941 года: «В деревнях оставались женщины. Они выходили на дорогу, останавливали машину, выносили из погребов крынки с холодным молоком, поили нас, крестили и вдруг, как-то сразу перестав стесняться того, что мы военные и партийные, говорили нам: «Спаси вас господи. Пусть вам бог поможет» (Симонов К.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1980. С. 75). Очевидно, что после институционального признания церкви такие практики стали распространяться еще более широко.

18 Анасенок А.В. Динамика развития православной культуры на территории послевоенного СССР в зеркале статистики. С. 21.

19 Там же. С. 34–35.

20 Там же. С. 24.

21 Там же. С. 31. При этом религиозность в сознании многих советских солдат не противоречила «вновь вспыхнувшему» сочувствию к коммунистической партии. В письме, посланном с фронта <...>, отлично выразилось типичное для тех лет сочетание религиозного пробуждения и советского патриотизма: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу» (Роккуччи А. Стalin и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958. М.: РОССПЭН, 2016. С. 155). Подобные примеры фиксировал И.Г. Эренбург, в частности в очерке о семье разведчика из Орла Ивана Шелопутова. В данном случае религия и вера в коммунизм сосуществовали внутри разных поколений одной семьи: «Там осталась его мать, Пелагея Васильевна, с большой дочерью. Пелагея Васильевна была верующей, ходила в церковь, а ее дочь, комсомолка, читала, как священное писание, роман Островского [«Как закалялась сталь». — В.Ч.]» (Эренбург И.Г. Война. Апрель 1942 — март 1943. М.: Воениздат, 2002. С. 174). В итоге многие православные граждане СССР к концу войны стали считать, что после победы «советская власть и церковь отныне должны действовать совместно» (Анасенок А.В., Лизгунов П.О. Русская православная церковь перед проблемой «примирения» христианства и советской культуры // Советская идентичность и проблемы религиозности. С. 237).

22 Майнер С.М. Сталинская священная война. 122.

жом обороны, удерживающим человечество от победы нацизма: «Один на один бьемся мы с бедой, грозящей всему свету», — писал Л.М. Леонов в статье «Наша Москва»²³. На этом основании советское государство объявлялось, по выражению из другой его статьи, «оплот[ом] добра и правды на земле»²⁴, противостоящим приходу абсолютного зла и, как следствие, победе Антихриста, персонифицированного в Гитлере. Неслучайно последний получил в печати устойчивую характеристику «зверя»²⁵. С одной стороны, она подчеркивала его интеллектуальное убожество и жестокость, с другой — в ней отчетливо проступали религиозные коннотации. «Зверь» — одно из имен Антихриста, о чём не могли не знать верующие²⁶. «Исчадием ада» и «зверем» назвал Гитлера и будущий патриарх Сергий в своем обращении к верующим от 24 ноября 1941 года. Позднее, в 1944 году, авторитетный церковный иерарх Лука Войно-Ясенецкий дал богословское обоснование такой трактовке обра-за врага:

Я назвал немецких оккупантов антихристами. По праву ли, по справедливости? Это право дал мне Св. Апостол Иоанн Богослов, вот что сказавший: «Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего»²⁷.

В данном случае автор легитимировал апокалиптическую риторику, появившуюся в советской публицистике уже со времени битвы под Москвой.

Яркий пример использования эсхатологических мотивов при описании обороны столицы представлен в статье Эренбурга «С Новым годом». Материал был напечатан 1 января 1942 года и содержал следующее утверждение: «Русский декабрь стал надеждой мира. Волхвы и народы смотрят на звезды Кремля. «С Новым годом» — эти привычные слова звучат теперь по-иному: в них надежда измученного человечества»²⁸. В этом отрывке переплелись советская и библейская символика. Вифлеемская звезда, благодаря которой волхвы узнали о рождении Иисуса Христа, заменилась красными звездами кремлевских башен, откуда должна была прийти новость о победе над нацизмом. Наполнение христианской символики актуальными для большевистской идеологии смыслами было процессом, распространенным уже с 1920-х годов. Так, красная звезда как раз и вытеснила религиозный символ звезды

23 Леонов Л.М. Статьи военных лет. М.: Правда, 1946. С. 3.

24 Там же. С. 130.

25 Так, в «Правде» от 17 августа 1941 года вышла статья Б.А. Лавренева о нацистском вожде, которая называлась «Человек-зверь». Очерк братьев Тур о пленном финне, вышедшая 3 июля в «Известиях», получил заголовок «Зверь в клетке». В целом трактовка войны как воплощения Апокалипсиса была чрезвычайно распространена в советской публицистике. Анализу этого комплекса мотивов мы планируем посвятить отдельную статью.

26 Такая интерпретация подкреплялась еще и тем, что немецкие солдаты регулярно назывались «нечистью». Это слово активно использовалось в советской пропаганде начиная с 1920-х годов, однако в изменившемся социально-политическом контексте в нем также начали проступать и религиозные коннотации (См.: Вайс Д. Паразиты. Падаль. Мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 20).

27 Архиепископ Лука. Праведный суд народа // Журнал Московской патриархии. 1944. № 2. С. 28.

28 Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 5. С. 525.

Вифлеема²⁹. Однако в данном случае автор статьи, упоминая волхвов, возвращает символу утраченные им христианские обертоны. Усиливается этот эффект следующим обстоятельством: и в статьях Эренбурга, и в статьях других советских публицистов парафразом Советского Союза часто становилось слово «восток». Как известно, в Евангелии от Матфея говорится, что волхвы увидели звезду, возвещавшую о рождении Иисуса Христа, именно на востоке. В то же время хотя Сталин не упоминался в статье прямо, его фигура в этом контексте получала едва ли не сакральный статус. Похожий, однако намного более эксплицитно выраженный способ сакрализации главы СССР применялся и Сергием, в послании к 26-й годовщине Октября призывав верующих «поусерднее помоли[тесь] о Богохранимой стране нашей и о властех ее во главе с нашим Богоданным Вождем»³⁰. Массово же утверждения о провиденциальной миссии Сталина начали появляться в советской публицистике лишь после того, как победа в войне стала очевидной (речь об этом пойдет ниже).

Религиозный подтекст присутствует и в статье А.Н. Толстого об обороне Москвы («Кровь народа»): «Звезды над Кремлем кинжалными лучами указывают русским людям: вперед! <...> Вперед – за нашу свободу, за нашу великую Родину, за нашу святыню – Москву!»³¹. Как и Эренбург, Толстой использует полисемичный образ звезды, которая одновременно символизирует и советскую власть, и традиционное средство навигации. При этом он задействует и религиозный субстрат символа, употребляя эпитет «святыня», который должен вызывать у верующих ассоциации с путеводной Вифлеемской звездой.

В итоге главной причиной победы под Москвой публицисты объявили особые свойства характера советских воинов, благодаря отваге которых удалось выиграть самую важную битву в истории человечества и «удержать» мир от победы зла³². Целью авторов статей, героизирующих Красную армию, было не только поднятие морального духа воюющих. Описывая отвагу солдат, они регулярно упрекали союзников в нежелании бросать большие силы на борьбу с Германией, по причине чего СССР был вынужден практически в одиночку сражаться с мощной немецкой армией³³. Поводом упрекнуть союзников в без-

-
- 29 Чудакова М.О. Антихристианская мифология советского времени (появление и закрепление в государственном и общественном быту красной пятиконечной звезды как символа нового мира) // Библия в культуре и искусстве: Материалы научной конференции «Вишперовские чтения – 1995». М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1996. С. 353.
- 30 Послание Патриарха Сергия к 26-й годовщине Советского государства // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 3. С. 4.
- 31 Толстой А.Н. Военная публицистика. М.: Воениздат, 1984. С. 59.
- 32 В одном из очерков Б.Л. Горбатов характеризовал обычного бойца следующим образом: «Он прожил трудную зиму и многое вынес и мог бы еще больше вынести, потому что то, что может русский солдат, никому – ни немцу, ни англичанину, ни итальянцу – не вынести» (Горбатов Б.Л. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1988. С. 66). Этим качествам противопоставлялись немецкий рационализм и механистичность. Как писал Толстой, «[в]се было... предугадано в... арифметическом расчете» нацистского командования, «кроме небольшой, казалось бы, Неизвестной Величины, путавшейся между цифрами» (Толстой А.Н. Военная публицистика. С. 71). Под «Неизвестной Величиной» автор подразумевал «психологи[ю] советского и, в первую голову, русского человека», которая «изменила весь ход мировой войны» (Там же. С. 72).
- 33 Так, Леонов, превознося подвиг советского солдата, писал: «Когда Европа, растоптанная и поруганная фашизмом, думает о своей судьбе... она вспоминает о нас» (Леонов Л.М. Статьи военных лет. С. 79). Далее он сетовал на неблагодарность союзников, отказывавшихся оказывать Советскому Союзу всю возможную помощь: «[Т]олько...

действии были и репортажи о Сталинградской битве, втором после обороны Москвы сражении, от которого зависел исход всей войны³⁴. При описании Сталинградской битвы на страницах печати (зачастую имплицитно) снова возникла тема катехона. Модальность репортажей и очерков оставалась такой же, как и при описании обороны Москвы. Разница состояла только в том, что на рубеже 1942–1943 годов центр битвы за судьбу человечества переместился в Сталинград. При описании хода сражения авторы репортажей также регулярно употребляли библейскую лексику. Так, Волга была названа «священн[ой] русск[ой] рек[ой], ста[вшей] тогда заветной жилочкой человечества, перекусив которую зверь стал бы почти непобедимым»³⁵. Защитники города «решили, что не уйдут, хотя бы на их головы свалился весь ад войны»³⁶ и «дрались там, где драться было уже невозможно, стояли там, где выстоять было немыслимо»³⁷. Затем автор статьи приходил к выводу: «[С]амый факт успешной обороны в течение многих месяцев противоречит обычному представлению о человеческих возможностях»³⁸. Таким образом, как и Москва ранее, «Сталинград явил чудо, которому нет равных в мировой истории», став «священн[ой] развалин[ой], покрыт[ой] кровью и славой»³⁹. Финальной точкой сражения за

Красная Армия наша в полную силу бьется с мрачным и подлым злодейством» (Там же). Статья вышла в феврале 1944 года, когда советское правительство настойчиво требовало от союзников открытия второго фронта.

34 После победы в битве Эренбург описывал изменение отношения к Советскому Союзу, используя аллюзии на библейский сюжет о царе Валтасаре: «О, разумеется, теперь у Советской России нет недостатка в друзьях, ведь Сталинград позади, все уже проверено и взвешено. За столом победителей всегда тесно» (Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 5. С. 652). Ср. текст надписи, появившейся на стене во время пира у библейского царя: «[М]ене — исчисли Бог царство твое и положил конец ему; текел — ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. 5: 26–28). Любопытно, что библейская аллюзия присутствует в рукописи статьи, отправленной в СССР в СССР для дальнейшей публикации в зарубежных газетах. При публикации в «Красной звезде» это место изъято. В другой статье, посвященной Сталинграду, «Взвешено. Подсчитано. Отмерено» писатель еще более эксплицитно (начиная с названия) обращался к указанному сюжету: «Есть библейское предание. Когда тиран Вавилона, поработивший окрестные народы, пировал в своем дворце, незримая рука написала на стене три слова: “Мене. Текел. Фарес” — “Взвешено. Подсчитано. Отмерено”. В тот час армии мщения уже шли к Вавилону. Грехи тирана были взвешены. Его преступления подсчитаны. Возмездье отмерено» (Эренбург И.Г. Война. С. 53). Возмездие, по мысли автора, вскоре должно было настигнуть и Гитлера, проигравшего ключевое сражение войны.

35 Леонов Л.М. Статьи военных лет. С. 130.

36 Кригер Е. Ответ Сталинграда // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М.: Советская Россия, 1985. С. 176.

37 Там же. С. 174.

38 Там же.

39 Тихонов Н.С. Сила России. М.: Воениздат, 1977. С. 157–158. В похожем регистре описывали положение на фронте и церковные иерархи. Зачастую они использовали те же, что и советская публицистика, слова и образы, ставшие за годы войны клишированными («разбойниччьи банды», «людоеды», «наша доблестная армия» и др.). В качестве показательного примера приведем фрагмент речи митрополита Киевского и Галицкого Николая: «Уже взошла заря нашей скорой последней победы над врагом. Наша доблестная армия, победами которой восхищается весь мир, уже гонит разбойниччьи банды с лица родной нашей земли и под Сталинградом, и под Ржевом... и на берегах Дона, истребляя по пути эту нечисть, обрызганную кровью наших стараков, женщин, детей, убитых, изнасилованных, замученных в пытках фашистскими людоедами» (Русская православная церковь и Великая Отечественная война... С. 73).

судьбы человечества предсказуемо стал Берлин, прямо названный Леоновым «столицей всемирного злодейства»⁴⁰. Однако именно после окончания битвы под Сталинградом, которая изменила расстановку сил на фронте, содержание советской пропаганды серьезно изменилось, а партийные органы стали гораздо жестче следить за деятельностью писателей.

Теперь ведущие публицисты начали конструировать последовательный исторический нарратив, где успех Советского Союза представлял исторической закономерностью. Такая перспектива, видимо, свидетельствовала о появившихся у советского правительства амбициях на лидерство в послевоенном мире. В русле исторической телесемиотики сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» победа над фашистами объяснялась приходом к власти большевиков: «[Р]еволюция дважды спасла Россию: в 1917 году и в 1941 году. Не будь революции, Россия могла бы потерять свою государственную независимость, изменить своей исторической миссии»⁴¹. Одновременно с этим победа в войне продемонстрировала превосходство социалистической системы и большевистской идеологии: «Уже всему миру ясно, в чем гордая сила Красной Армии. Наше оружие не только в руках бойцов. Оно в мудром учении Ленина»⁴². Религиозная лексика появлялась и при описании деятельности последнего, что в целом было характерно для его культа, зародившегося в середине 1920-х годов⁴³. В статье Леонова Ленин имплицитно сравнивался с Моисеем, который, подобно библейскому герою, вывел Россию из «горьк[ой] пустын[и]... в обетованные рубежи»⁴⁴. Кроме того, многие публицисты утверждали, что Октябрьский переворот дал возможность в дальнейшем провести форсированную индустриализацию, благодаря которой СССР смог не уступить Германии в техническом отношении:

Впервые в истории цивилизаций бытие и развитие целой страны... вместо исторического самотека переводилось на путь науки <...>. Только революционный социалистический план мог дерзнуть поднять разоренную и отсталую Россию на уровень экономики передовой цивилизации⁴⁵.

С 1943 года в печати снова начала массово появляться тема гениальности Сталина, характерная еще для второй половины 1930-х годов, когда окончательно оформился так называемый культ личности. Публицисты утверждали, что глава СССР заранее провидел, как будут разворачиваться события, и поэтому «с первого же дня войны начал создавать глубокий и дальновидный стратегический план»⁴⁶. В этом плане «не было ничего случайного, но все закономерно, — это наступление выражало беспощадную волю всего советского народа»⁴⁷. В итоге следовал вывод, что «история планеты выглядела бы в е с ь м а

40 Леонов Л.М. Статьи военных лет. С. 146.

41 Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 5. С. 608–609.

42 Тихонов Н.С. Сила России. С. 38.

43 О религиозных истоках культа Ленина см.: Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1999. С. 12–31.

44 Леонов Л.М. Статьи военных лет. С. 197.

45 Толстой А.Н. Военная публицистика. С. 118. Отметим, что Толстой, восхищающийся в этой статье рациональностью пятилетнего плана, несколькими годами ранее критиковал излишнюю расчетливость немцев.

46 Там же. С. 133.

47 Толстой А.Н. Военная публицистика. С. 144.

и н а ч е [разрядка автора. — В.Ч.], если бы Сталин не возглавил величавого освободительного порыва народов России»⁴⁸. Судя по всему, авторы приведенных рассуждений полемизировали здесь с исторической концепцией Л.Н. Толстого, во второй части эпилога «Войны и мира» писавшего, что теория о «перенесении совокупности воль на исторические лица... не подтвержда[тся] опытом истории»⁴⁹.

Наконец, победа, как уже говорилось, стала возможна благодаря особым качествам советского человека: «На нашей земле вырос новый человек социалистического общества, носитель передовых идей во всех областях жизни»⁵⁰. При этом война рассматривалась в качестве завершающего этапа «перековки», во время которого окончательно выкристаллизовались лучшие свойства характера граждан СССР («Война как бы резцом гениального скульптора изваяла перед нами, перед всем миром фигуру нового советского человека»⁵¹). Вместе с тем в описании метаморфоз советских людей могли присутствовать и религиозные мотивы. Толстой писал: «[С]олдату Красной Армии мало надеть чистую рубаху перед боем, — ему пришлось душу свою набело вымыть в трех кролях, в трех щелоках непрекращающейся битвы»⁵². Этот фрагмент вызывал ассоциации с почти идентичным эпиграфом к популярному у советского читателя толстовскому роману «Восемнадцатый год», второй части эпопеи «Хождение по мукам» (ее название, как известно, было придумано автором под влиянием религиозного апокрифа). Сама фраза, судя по всему, восходит к словам из послания пророка Исаии («И обращау на тебя руку Мою и, как в щелочи, очищу с тебя примесь, и отдело от тебя все свинцовое»; I, 25). Пророчество содержит обещание Бога очистить Иерусалим от грехов и пороков, уподобляя этот процесс очистке серебра. Толстой же трансформирует библейское изречение для идеологических нужд: война, по его логике, как бы завершила долгую цепь положительных трансформаций, происходивших с советскими людьми после Октябрьской революции⁵³.

Однако апелляциями к недавнему прошлому военные публицисты не ограничивались. Другим источником повышения символической значимости победы стали регулярные попытки вписать ее в контекст дореволюционной русской истории. В итоге гражданин СССР должен был «ощутить себя преемником сразу двух мифологизированных и приближенных друг к другу историй — русской

48 Леонов Л.М. Статьи военных лет. С. 251.

49 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 12. М.: ГИХЛ, 1940. С. 513.

50 Тихонов Н.С. Сила России. С. 81.

51 Толстой А.Н. Военная публицистика. С. 43.

52 Там же. С. 102.

53 Отметим, что ветхозаветные мотивы регулярно возникают в произведениях советских писателей разного жанра. Так, «очевидны переклички с ветхозаветными пророчествами» публицистических «Писем к товарищу» Горбатова (См.: Сердечный Е.В. Своеобразие стилистических средств создания образа в военных рассказах Бориса Горбатова // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1–2. С. 42). В.С. Гроссман в своих записных книжках сравнивал масштабное отступление первых месяцев войны с исходом евреев из Египта: «Исход! Библия! Машины движутся в восемь рядов, вой надрывный десятков одновременно вырывающихся из грязи грузовиков. Полем гонят огромные стада овец и коров, дальше скрипят конные обозы, тысячи подвод... Из-под навешенных на подводы балдахинов глядят белые и черные детские головы, библейские бороды еврейских старцев» (Гроссман В.С. Годы войны / Сост. Е.В. Короткова-Гроссман. М.: Правда, 1989. С. 281).

и советской»⁵⁴. К примеру, Эренбург прямо отождествлял советских воинов с их предками, разрывая между ними временную дистанцию:

На войне нам открылась история, ожили страницы книг. Герои прошлого перешли из учебников в блиндажи. Кто не пережил двенадцатый год как близкую и понятную повесть? Какой комсомолец не возмущен развалинами кремля в Новгороде? Мы увидели, что наше молодое государство строилось не на пустом месте⁵⁵.

Военная публицистика создавала у аудитории эффект существования в одном временном измерении с Александром Невским, Петром Первым, Кутузовым и другими отечественными историческими деятелями (такое восприятие было подготовлено массированной пропагандой, начавшейся во второй половине 1930-х годов). Граница между историей и современностью практически стиралась, события предыдущих веков осовременивались и сразу становились в один ряд и с недавним постреволюционным прошлым, и с военным настоящим: «Во время войны перед нами встало прошлое, оно соединилось с настоящим и будущим», — резюмировал Эренбург⁵⁶. Такое устройство исторического нарратива позволяло практически сразу органично вписывать в него события войны, тем самым еще больше повышая символическую значимость победы над нацизмом. Эту же цель преследовали описания советских солдат в эпическом регистре. По мысли военных публицистов, величие их подвига было настолько очевидно, что они достойны сразу же стать частью отечественной исторической мифологии: «В детстве мать рассказывала мне сказки об исполнинах, глубоко запавшие в душу. Здесь я увидел их — это были советские солдаты»⁵⁷. Зачастую бойцы прямо отождествлялись с фольклорными богатырями. В.В. Иванов в очерке «На Курской дуге» так описывал освободителей Орла: «Разве не навечно сохранятся песни о солдатах и партизанах, сражавшихся за отчизну в этих лесах <...>. А разве не богатырским преданием веет от этой дивизии?»⁵⁸.

Исторический нарратив, где полностью легитимировалось дореволюционное прошлое, позволял практически безболезненно апроприировать идеологические концепции и повседневные практики, культивируемые в дореволюционной России, трансформируя их, как мы покажем ниже, исходя из текущей политической конъюнктуры. Одним из следствий этого стала возможность частичной реабилитации религии: в годы войны церковь стала важной частью процесса окончательного становления идеологии национал-большевизма⁵⁹. Некоторые послабления она получила уже с первых месяцев войны: с осени 1941 года почти остановились аресты представителей духовенства, фактически прекратил свое существование Союз воинствующих безбожников, в дни религиозных праздников во многих крупных городах отменялся комендантский

54 Добренко Е.А. Метафора власти: литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Sagner, 1993. С. 301.

55 Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 5. С. 567.

56 Там же. С. 608.

57 Борзенко С.А. Десант в Крыму // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М.: Советская Россия, 1985. С. 220.

58 Иванов В.В. На Курской дуге // Вставай, страна огромная! М.: Советская Россия, 1985. С. 202.

59 Майнер С.М. Сталинская священная война. С. 101.

час. Позднее Сталин лично разрешил открыть в Госбанке счет для сбора пожертвований. Все это позволило духовенству не только развернуть активную проповедническую деятельность, но и помогать фронту материально. Например, на пожертвования верующих удалось собрать деньги для постройки танковой колонны «Димитрий Донской».

Тем не менее перелом в отношениях между государством и церковью случился только после того, как победа Советского Союза в войне стала очевидной. Так, 19 мая 1943 года глава Верховного совета СССР М.И. Калинин в своей речи призвал коммунистов менее рьяно бороться с проявлениями религиозных чувств в армии⁶⁰. С июля того же года началась подготовка к встрече Сталина с представителями церкви, которая прошла в ночь с 4 на 5 сентября⁶¹. На ней присутствовали патриарший местоблюститель Сергий, а также два архиерея — Алексий (Симанский) и Николай (Ярушевич). В ходе встречи глава СССР разрешил снова открывать духовные семинарии, одобрил возобновление выпуска «Журнала Московской патриархии» и даже обещал рассмотреть вопрос об освобождении из лагерей некоторых священнослужителей (как выяснилось позднее, 25 из 26 членов списка к тому моменту не было в живых)⁶². Однако главной целью встречи стало обсуждение вопроса о выборах нового патриарха. Подготовка к процедуре была проведена в кратчайшие сроки, а материал о грядущих выборах появился на первой странице «Известий», что говорило о важности этого события лично для Сталина. Архиерейский собор состоялся уже спустя три дня, 8 сентября, патриархом Московским и всея Руси предсказуемо избрали Сергия. Небывалое для атеистической страны мероприятие не могло не вызывать ассоциаций у верующих и западной аудитории с 1589 годом, когда на Руси образовался институт патриаршества. В средневековой грамоте это событие обосновывалось в числе прочего при помощи знаменитой концепции «Москва — третий Рим» псковского монаха Филофея. Автор «Журнала Московской патриархии» в статье о значимости патриаршества для церкви считал появление этой идеологемы одним из важных факторов, приведших впоследствии к окончательному отделению русской церкви от греческой:

[К]огда последовало падение Константинополя... то русские власти окончательно решили больше уже не обращаться в Царьград по вопросу о поставлении наших митрополитов. На этот шаг наталкивает русских и... взгляд на Москву как на третий православный Рим, предназначенный охранять на земле христианскую Церковь⁶³.

Эта же концепция сыграла важную роль и в публичном дискурсе последних полутора лет войны, окончательно оформившись уже с 1941 года идеологему государства-категории. В 1945 году журнал «Исторические записки» опубликовал доклад Н.С. Чаева «Москва — Третий Рим» в политической практике

60 См. об этом: *Майнер С.М. Сталинская священная война. С. 154–162.*

61 *Якунин В.Н. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 93.*

62 *Галкин А.К. «Мало просите...»: Церковно-исторические итоги беседы И.В. Сталина с тремя митрополитами в ночь на 5 сентября 1943 года // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 45. С. 108.*

63 *Савинский С. Значение Патриаршества в жизни Православной Русской Церкви вообще и современной в особенности // Журнал Московской патриархии. 1944. № 3. С. 34.*

тике Московского правительства XVI века». Он был прочитан автором за две недели до начала войны, но опубликован лишь спустя четыре года. Историк, видимо невольно, предвосхитил будущий зигзаг сталинской политики и пришел к выводу, что

учреждение патриаршества... должно было иметь... важное значение не только внутри государства <...>. Это событие должно было произвести соответствующее впечатление и в Западной Европе и увеличить там международный престиж Москвы⁶⁴.

Иначе говоря, концепция Москвы как «Третьего Рима» идеологически оформляла претензии Московского царства на политическую и религиозную независимость от европейских империй и в то же время закрепляла его статус как лидера православной части цивилизации⁶⁵. Оптика Чаева вполне отвечала и текущим политическим задачам — после перелома в войне советские власти пытались распространить свое влияние на славянское население Восточной Европы, а также начали претендовать на одну из ведущих ролей в послевоенном мире. Ропуск Коминтерна, образование Всеславянского комитета и частичная реабилитация церкви стали важнейшими популистскими шагами для решения указанных geopolитических задач. Сталин хотел «привлечь русскую церковь к осуществлению своих планов расширения советского влияния», поэтому уже на встрече с церковными иерархами в сентябре 1943 года его интересовало «положение в православных церквях в Румынии, Югославии, Болгарии»⁶⁶. Кроме того, в преддверии Тегеранской конференции он «был проинформирован, что там союзники вновь обратятся к проблемам религиозной свободы в СССР, и ему хотелось иметь свои “козыри” на этой встрече»⁶⁷. Об успешности сталинской дипломатической стратегии свидетельствовало появление многочисленных положительных откликов в авторитетной зарубежной прессе⁶⁸.

Одновременно с этим восстановление патриаршества было не только одним из инструментов воздействия на общественное мнение и элиты за рубежом, но и дополнительным средством легитимации сталинского правления для внутренней аудитории, так как «укореняло» его в русской истории. Подобную функцию идея «Москва — третий Рим» выполняла и в прошлом, придавая Московскому царству «пространственную глубину и длительную, в полтора тысячелетия, историческую протяженность»⁶⁹. Все это привело к тому,

64 Чаев Н.С. «Москва — Третий Рим» в политической практике Московского правительства XVI века // Исторические записки. 1945. Т. 17. С. 22.

65 Разбор статьи Чаева представлен в ст.: Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. № 3. Р. 426; Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 76–77.

66 Роккуччи А. Сталин и патриарх: славная церковь и советская власть, 1917–1958. М.: РОССПЭН, 2016. С. 161; Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 275.

67 Одинцов М.И. Русская православная церковь. С. 275.

68 Там же. С. 282–284

69 Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI веков). М.: Индрик, 1998. В целом же от оригинальной идеи в советском ее истолковании практически ничего не осталось. Такая работа со средневековым сочи-

что ближе к концу войны была частично «восстановлена традиционная для русской истории модель, связь между харизмами двух властей — светской и духовной»⁷⁰. Установлению такой связи во многом способствовали восстановление патриаршества и эксплуатация идеи Филофея, объединявшей в себе как религиозный, так и политический компоненты⁷¹.

Судя по всему, Толстой одним из первых среди военных публицистов оценил потенциал использования указанной концепции в пропагандистских целях⁷². Он уже в 1941 году в статье «Родина» доступным для широкой аудитории языком объяснял ее основные положения: «Таково было постоянное стремление всей Руси... в непомерность. Москва мыслилась как хранительница и поборница незапятнанной правды: был Рим, была Византия, теперь — Москва»⁷³. Спустя несколько лет писатель в своих рассуждениях продвинулся гораздо дальше, уже мифологизируя историческую роль славянских племен, назвав их гуманность едва ли не главной причиной сохранения античной культуры. Славянские племена «оплодотворили для жизни на целое тысячелетие дряхлую Византию; славянство не захотело разрушать ее, как германцы разрушили Рим, до основания»⁷⁴. Благодаря этому стал возможен трансфер древнегреческой культуры в отсталую на тот момент Европу: «Византия уберегла и передала феодальной Европе античную культуру благодаря славянству... Еще не оценена роль славянства в создании гуманитарной культуры Европы»⁷⁵. Таким образом, славяне объявились самым цивилизованным народом, живущим на территории тогдашней Европы, чья роль в развитии европейской цивилизации оказалась недооценена историками. Судя по всему, здесь Толстой опирался на идеи чрезвычайно известного в литературных кругах дореволюционного Петербурга ученого-античника Ф.Ф. Зелинского, который «заявлял о главен-

---

нением Филофея была характерна не только для советских пропагандистов. Концепция «Москва — третий Рим» обрела популярность во второй половине XIX века и активно эксплуатировалась различными идеологами на протяжении полувека, став своеобразным «зонтиком» для различных, порой противоречащих друг другу идей. См. об этом: Там же. С. 13–35; *Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a “Pivotal Moment”* Р. 419–425; Ширельман В.А. Антихрист, катехон и Русская революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 488–515.

70 Рокуччи А. Сталин и патриарх. С. 9.

71 Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 125–127.

72 Примечательно, что в начале 1940-х годов писатель работал над драматической трилогией об Иване Грозном. Примерно в то же время С.М. Эйзенштейн готовился к постановке первой части фильма «Иван Грозный», где в конце монолога о необходимости объединения земель под его властью царь цитировал формулу Филофея (Эйзенштейн С.М. Иван Грозный, сценарий // Новый мир. 1943. № 10–11. С. 67).

73 Толстой А.Н. Военная публицистика. С. 150. В этом контексте любопытным выглядит фраза вымышленного солдата Алексея Куликова, героя очерков Б.Л. Горбатова. Отвечая на слова сослуживца о том, что «Россия Россией и останется... вот под татарами была... Ну, пусть под немцами», он произносит слова, имплицитно отсылающие к знаменитой формуле Филофея: «А мне не всякая Россия нужна... Советская мне нужна Россия... А другой я не хочу, другой и не будет» (Горбатов Б.Л. Собрание сочинений. Т. 3. С. 63). Ср. с цитатой из Филофея: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

74 Толстой А.Н. Военная публицистика. С. 78.

75 Там же.

ствующей роли славянских народов в возрождении культурного наследия, воплощаемого Римом»⁷⁶.

В несколько ином ключе эту тему разрабатывал Эренбург. Из исторической триады он исключал Рим, отождествляя его с нацистской Германией, и противопоставлял ему Византию. Преемницей последней, согласно Эренбургу, стала Русь, культура которой расцвела благодаря тесным связям с Константинополем:

Только неучи могут представлять Россию как дитя, двести лет тому назад допущенное в школу культуры. Заветы Древней Греции, этой колыбели европейского сознания, пришли к нам не через Рим завоевателей и законников, но через Византию философов и подвижников⁷⁷.

Такое отношение к Риму разделяли и церковные иерархи:

Не новость, что в мировой истории появляются безумцы, мечтающие покорить себе весь мир. «Мир Римский», как называла себя римская держава, в продолжение веков стремился осуществить эту гордую мечту... Но чем кончилась эта мечта? Мир завоеван не был, а «Мир Римский» рассыпался в прах, — говорил митрополит Ленинградский Алексий еще 26 июля 1941 года⁷⁸.

Противоположного мнения придерживался писатель Леонов, видя в Риме не стремящуюся к экспансии империю, а развитую цивилизацию, не сумевшую противостоять нашествию варваров: «Но мир не пал как Рим, который всегда любил класть свою тиару к ногам очередного Ганземана»⁷⁹.

Таким образом, концепция «Третьего Рима» стала своеобразной «линзой», сумевшей объединить различные линии как внутренней, так и международной пропаганды. В контексте национал-большевистского поворота внутренней политики эксплуатация средневековой концепции позволяла представить реабилитацию религии не как отход от идеологических марксистских догм, а как логичный шаг, вызывающий ассоциации со славным прошлым. Процесс институционализации православия особенно беспокоил рядовых советских чиновников и пропагандистов, которые массово обращались в партийные органы для разъяснения нового политического курса. Их основные вопросы касались причин перемены религиозной политики, целесообразности продолжения антирелигиозной пропаганды, отношения к священникам и открытым во время войны церквям⁸⁰. «Некоторые... отмечали, что новая политика... фактически поставила под сомнение коллективизацию... поскольку религиозное возрождение зачастую расценивалось крестьянством как одно из проявлений более общего протеста против новой системы»⁸¹. Более того, часть вопросов корреспондентов «касал[а]сь и самой природы советского государства <...>.

76 Кальб Дж. Третий Рим: Имперские видения, мессианские грезы, 1890–1940. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2022. С. 44.

77 Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 5. С. 585. Судя по всему, и Толстой, и Эренбург, начавшие карьеру в период расцвета русского модернизма, продолжали трактовать образ Рима в рамках, заданных деятелями Серебряного века. См. об этом: Кальб Дж. Третий Рим. С. 35–52.

78 Русская православная церковь и Великая Отечественная война. С. 53.

79 Леонов Л.М. Военная публицистика. С. 153.

80 Роккуччи А. Сталин и патриарх. С. 185.

81 Там же. С. 185–186.

[А]нтирелигиозная направленность была для многих коммунистов... неотъемлемой чертой советского строя, от которой невозможно отказаться, если только не замышлять радикального переустройства всей системы»⁸². Отсылки к отечественной истории и военным победам, зачастую напрямую связанным с патриотической деятельностью церкви, позволяли отчасти заретушировать описанные выше противоречия.

Одновременно при помощи апелляций к идее «Москва — третий Рим» обосновывались претензии Москвы на влияние в православных странах Европы, ради чего во многом и был восстановлен институт патриаршества. Одновременно этот жест способствовал изменению общественного мнения об СССР на Западе. Последнее было настолько важно для советского правительства, что в этот период «впервые пропаганда была готова обращаться к иностранной аудитории на характерном христианском языке»⁸³.

Помимо прочего апелляции к указанной идее делали актуальными обращения не только к отечественному дореволюционному прошлому, но и напрямую к античной истории. Число апелляций к античности стало расти примерно в тот же период, когда Красная армия перехватила инициативу в войне. Судя по всему, в это время необходимо было конструировать новую схему культурной преемственности, отвечающую амбициям советского руководства на лидерство в послевоенной Европе.

Как показала К. Кларк, идеи о глобальном лидерстве Москвы начали зарождаться среди части правящей и интеллектуальной элиты еще с начала 1930-х годов, однако в СССР того времени массовое «обращение к римским образцам было актуально» в основном для архитектуры⁸⁴. В литературе периода «высокого сталинизма» прямые отсылки к произведениям античных авторов встречались редко⁸⁵. В те годы Советский Союз предпочитал создавать «имперскую культуру... апpropriируя великую западноевропейскую традицию»⁸⁶. Иначе говоря, вплоть до 1941 года образцом для создания советской культуры, которая должна была стать важным инструментом международной экспансии, стало классическое европейское искусство. В изменившихся условиях, когда Советский Союз оказывался победителем гитлеровской Германии, выступив освободителем Европы, развивать тему «учебы у европейских классиков» (таких как Рабле, Шекспир и Гете) оказывалось нецелесообразным. Победа в войне стала поводом утвердить не только военное, но и культурное превосходство Москвы над Европой, в том числе за счет объявления русской культуры прямой наследницей античной.

Приведем далеко не единственный, но крайне показательный пример. Н.С. Тихонов описывал блокаду Ленинграда как величайшее событие во всей мировой истории. Дополнительную легитимность этому тезису придавал тот факт, что его произносил преподаватель древней истории, которого случайно встретил на улице автор очерка: «Я не знаю города, легенда о котором была бы так величественна, как легенда о Трое, и только наш город сегодня... не

82 Там же. С. 186.

83 Майнер С.М. Сталинская священная война. С. 159.

84 Кларк К. Москва, четвертый Рим: Стalinизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 36.

85 Там же. С. 38.

86 Там же. С. 36.

только сравнялся с Илионом... но и превысил его своим героизмом»⁸⁷. Уже спустя два дня после окончания войны К.А. Федин утверждал, что «Новый Гомер воспоет величие Красной Армии» и советский солдат вскоре «станет любимым героем сказаний и поэм»⁸⁸. Разумеется, в первую очередь в «новых Гомеров» должны были вырасти советские писатели. Появление указанной риторики диктовалось еще и необходимостью противостоять западной пропаганде, которая сравнивала советские войска, идущие к Берлину, с «войсками Чингисхана и буквально рисовала дикую азиатскую страну, на века отстающую от Европы по культурному уровню»⁸⁹. В ответ советский агитпроп «тратил <...> немалые ресурсы на то, чтобы в любом красноармейце житель Европы видел великого освободителя, спасителя европейской цивилизации и проводника в будущее»⁹⁰. Провозглашение современного СССР преемником античной традиции, а славян спасителями древней культуры способствовало созданию имиджа не только лидера европейской цивилизации, но и ее «колыбели».

К. Кларк обозначила возникшую в 1930-е годы идею сделать из Советского Союза и его столицы «центр постхристианского мира» как концепцию «Москва — четвертый Рим», имея в виду прежде всего ее неосуществимость, а также секулярную составляющую⁹¹. В следующем десятилетии амбиции советского руководства на мировое лидерство только выросли. Однако его идеологическое обоснование претерпело значительные изменения, чему способствовали «русскоцентричный поворот», перелом в Великой Отечественной войне, а также частичное возрождение института церкви в СССР. Так, патриархия, ставшая хотя и подконтрольным советскому правительству, но важным игроком международной политики, хотела «сделать Москву центром всемирного православия»⁹². В итоге цели русской патриархии, «вернувшей себе традиционную роль руководительницы славянского православия, взаимно дополнялись целями советской власти, которой... удалось переориентировать восточноевропейские православные церкви на Москву»⁹³.

На этом фоне неизбежно произошел своеобразный «откат» к более традиционному толкованию концепции «Москва — третий Рим». Так, в 1930-е годы планировалось использовать культурное превосходство в качестве основного инструмента гегемонии Москвы. «[К]ультура, особенно литература, стала советским секулярным заместителем религии и играла ключевую роль в притязаниях СССР на мировое влияние»⁹⁴. При этом советские художники и элита ориентировались на европейскую традицию Ренессанса и Просвещения. Война же серьезно трансформировала идеологические основания превосходства Советского Союза над странами Запада. Новая модификация концепции «Москва — третий Рим», появившаяся в начале 1940-х годов, подразумевала: 1) возвращение в указанный комплекс идей религиозной составляющей; 2) сис-

87 Тихонов Н.С. Сила России. С. 210.

88 Федин К.А. Вершина // Известия. 1945. 11 мая.

89 Шишкова Т. Внеждановщина: Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 55.

90 Там же. С. 47.

91 Кларк К. Москва, четвертый Рим. С. 44.

92 Роккуччи А. Сталин и патриарх. С. 253.

93 Там же.

94 Кларк К. Москва, четвертый Рим. С. 18.

темные прямые апелляции советской культуры к античному наследию, зачастую практически исключавшие посредничество западноевропейской культуры⁹⁵; 3) использование концепции Филофея для легитимации внутренней политики Сталина. Подчеркнем, что все эти компоненты были практически нехарактерны для 1930-х годов.

Если снова обратиться к концепции Кларк, то можно утверждать, что Москва перестала позиционироваться как «четвертый», постсекулярный Рим, и к концу войны осмыслилась в более традиционной парадигме «Третьего Рима», что во многом сближало идеологию сталинизма с идеологией Российской империи начала XX века. Тогда

идея Третьего Рима помогла преодолеть прежнюю обеспокоенность статусом России в сравнении с Европой. Русская теократия, помазанная Богом, способна была превзойти все предшествующие царства и культуры, включая первый и второй Рим с их уникальностью⁹⁶.

Сталин, хотя и отчасти прибегал к символическому авторитету церкви, в отличие от Николая II, использовал религию лишь как один из нескольких компонентов мессианской идеологии. В его случае источником легитимации претензий на мировое лидерство становилась прежде всего победа в кровопролитной Великой Отечественной войне. И это сближало позднесталинский СССР не только с Российской империей периода заката, но и с правлением Александра I, во время царствования которого Россия победила в Отечественной войне 1812 года (сравнения со сражениями против Наполеона были крайне популярны в публицистике периода 1941–1945 годов). Тогдашние поэты и публицисты создавали образ Александра I как «всеобщего освободителя и миротворца, “царя царей”, вселенского цезаря, осеняющего своим верховным покровительством спасенные им народы»⁹⁷. Похожим образом, как мы показали выше, в советской прессе описывалась роль Сталина.

Итак, именно военная публицистика стала едва ли не главным «испытательным полигоном», где уже в годы войны начал формироваться идеологический дискурс, актуальный для позднесталинского СССР. Одной из важнейших его составляющих стала библейская топика. Эксплуатация религиозных мотивов способствовала решению множества важнейших задач, стоявших перед руководством Советского Союза. Среди них: необходимость воздействовать на западную аудиторию при помощи понятных и одобряемых той библейских образов. Идеологам было необходимо убедить население зарубежных стран в отсутствии притеснений церкви со стороны советского государства, поскольку «утвердившаяся за Советским Союзом репутация религиозного гонителя висела тяжелым камнем на советских и западных пропагандистах, которым было поручено продвигать идею союза между Востоком и Западом»; налажи-

95 Симптоматично, что анализируя фильм «Иван Грозный», Кларк отмечала: сценарий «начинается титрами о ренессансном фоне правления» царя (Кларк К. Москва, четвертый Рим. С. 448). В примечании к этой строке редакторы русскоязычного перевода книги заметили: исследовательница не учла того факта, что в фильме, вышедший в 1945 году, эта реплика не попала. Видимо, отказ от начальных титров стал эмблемой описываемых нами процессов падения престижа европейской культуры.

96 Кальб Дж. Третий Рим. С. 34.

97 Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. С. 99.

вание связей с православными странами Европы, многие из которых затем вошли в советский блок; реинтеграция храмов, открытых немцами на советских территориях⁹⁸. Наконец, безусловно, ответ на массовый запрос рядовых граждан страны.

На первом этапе войны ведущие советские публицисты регулярно апеллировали к концепции государства-катехона, при этом место битвы со злом постоянно сдвигалось. Главными сражениями за судьбу человечества последовательно стали битвы под Москвой и Сталинградом. В конце войны граница переместилась в Берлин. После перехода к СССР преимущества на поле боя значительно изменилось и содержание пропаганды. В прессу возвратились панегирические статьи о Сталине, который объявлялся едва ли не главным архитектором победы и спасителем человечества. Одновременно его правление дополнительно легитимировалось⁹⁹ при помощи апелляций к идее «Москва — третий Рим», позволявшей относительно органично сочетать различные, порой противоречавшие друг другу тенденции: подъем религиозности в большевистской стране, одинаковое прославление советских вождей и русских царей, стремление к «построению социализма в отдельно взятой стране» и возникшие после победы в войне претензии на мировое лидерство. При этом важно оговориться, что, судя по всему, эта линия пропаганды была востребована лишь в течение небольшого промежутка времени. Об этом может свидетельствовать противоположность трактовок концепции Филофея в работах разных авторов, чего не наблюдалось относительно других, более важных и устойчивых пропагандистских сюжетов. Кроме того, вскоре после войны идея уходит на периферию идеологического дискурса и начинает критиковаться в научных кругах, считаясь «некоей вспомогательной теорией», обслуживающей идеологические запросы Русского государства, которая сама по себе оказывала слабое воздействие на проводимую им политику»¹⁰⁰. Возможно, еще одной причиной охлаждения интереса советских ученых к концепции «Москва — третий Рим» стал тот факт, что в западной мысли периода холодной войны она служила эссециалистским обоснованием имперской природы российской власти вообще.

---

98 Майнер С.М. Сталинская священная война. С. 280.

99 Возможно, самим Сталиным ощущалась некоторая утрата собственной легитимности из-за провала Красной армии на первых этапах войны. Достаточно вспомнить знаменитый тост «За русский народ», содержавший в том числе такие слова: «Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду. Но русский народ на это не пошел... он оказал безграничное доверие нашему правительству. <...> Вот за это доверие... которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!» (Цит. по: Невежин В.А. «За русский народ!»: Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года // Наука и жизнь. 2005. № 5. С. 20).

100 Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? С. 77.

Библиография / References

- Апанасенок А.В.** Динамика развития православной культуры на территории послевоенного СССР в зеркале статистики // Советская идентичность и проблемы религиозности: Православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980 годы / Под ред. А.В. Апанасенка. Курск: Изд-во РОСИ, 2022. С. 20–45.
- (*Apanasenok A.V. Dinamika razvitiya pravoslavnoy kul'tury na territorii poslevoennogo SSSR v zerkale statistiki // Sovetskaya identichnost' i problemy religioznosti: pravoslavnye praktiki v povsednevnoy zhizni grazhdan SSSR v 1940–1980 gody / Ed. by A.V. Apanasenok. Kursk, 2022. P. 20–45.*)
- Апанасенок А.В., Лизгунов П.О.** Русская православная церковь перед проблемой «примирения» христианства и советской культуры // Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980 годы / Под ред. А.В. Апанасенка. Курск: Изд-во РОСИ, 2022. С. 208–255.
- (*Apanasenok A.V., Lizgunov P.O. Russkaya pravoslavnaya tserkov' pered problemoy «primiriya» khristianstva i sovetskoy kul'tury // Sovetskaya identichnost' i problemy religioznosti: pravoslavnye praktiki v povsednevnoy zhizni grazhdan SSSR v 1940–1980 gody / Ed. by A.V. Apanasenok. Kursk, 2022. P. 208–255.*)
- Будрайтис И.Б.** Что «удерживает» катехон? Конечность государства в консервативной и социалистической мысли // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 13–33.
- (*Budraytis I.B. Chto «uderzhivaet» katekhon? Konchost' gosudarstva v konservativnoi i sozialisticheskoy mysli // Filosofiya: Zhurnal Vysshay shkoly ekonomiki. 2021. № 2. P. 13–33.*)
- Вайс Д.** Паразиты. Падаль. Мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 16–22.
- (*Vays D. Parazity. Padal'. Musor. Obraz vraga v sovetskoy propagande // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 24. P. 16–22.*)
- Галкин А.К.** «Мало просите...»: Церковно-исторические итоги беседы И.В. Сталина с тремя митрополитами в ночь на 5 сентября 1943 года // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 45. С. 91–119.
- (*Galkin A.K. «Malo prosite...»: tserkovno-istoricheskie itogi besedy I.V. Stalina s tremya mitropolitami v noch' na 5 sentyabrya 1943 goda. // Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta. 2023. Iss. 45. P. 91–119.*)
- Гаспаров Б.М.** Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999.
- (*Gasparov B.M. Poeticheskiy yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka. Saint-Petersburg, 1999.*)
- Добренко Е.А.** Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Sagner, 1993.
- (*Dobrenko E.A. Metafora vlasti: Literatura stalin-skoy epokhi v istoricheskem osveshchenii. München, 1993.*)
- Кальб Дж.** Третий Рим: Имперские видения, мессианские грэзы, 1890–1940. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2022.
- (*Kalb J.E. Russia's Rome. Imperial Visions, Messianic Dreams, 1890–1940. Boston; Saint-Petersburg, 2022. — In Russ.*)
- Кларк К.** Москва, четвертый Рим: Стализм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- (*Clark K. Moscow, Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941. Moscow, 2018. — In Russ.*)
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.** Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 124–141.
- (*Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Otzvuki kontsepsi «Moskva — tretiy Rim» v ideologii Petra Pervogo // Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i: In 3 vols. Vol. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Moscow, 1996. P. 124–141.*)
- Майнер С.М.** Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М.: РОССПЭН; Фонд Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2010.
- (*Miner S.M. Stalin's Holy War. Religion. Nationalism and Alliance Politics. 1941–1945. Moscow, 2010. — In Russ.*)
- Невежин В.А.** «За русский народ!»: Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года // Наука и жизнь. 2005. № 5. С. 14–20.
- (*Nevezhin V.A. «Za russkiy narod!»: Priem v Kremle v chest' komanduyushchikh voyskami Krasnoy*

- armii 24 maya 1945 goda // Nauka i zhizn'. 2005. № 5. P. 14–20.)
- Одинцов М.И.** Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- (*Odintsov M.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' na kanune i v epokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953 gg.* Moscow, 2014.)
- Поспеловский Д.В.** Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 1996.
- (*Pospelovskiy D.V. Pravoslavnaya tserkov' v istorii Rusi, Rossii i SSSR.* Moscow, 1996.)
- Роккутич А.** Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958. М.: РОССПЭН, 2016.
- (*Roccuucci A. Stalin e il Patriarca. La Chiesa Ortodossa e il Potere Sovietico 1917–1958 pravoslavnaya tserkov' i sovetskaya vlast', 1917–1958.* Moscow, 2016. — In Russ.)
- Руденко М.С.** Образ Великой Отечественной войны в публицистике 1941–1945 годов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3. С. 45–57.
- (*Rudenko M.S. Obraz Velikoy Otechestvennoy voyny v publitsistike 1941–1945 godov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2015. № 3. P. 45–57.*)
- Сердечный Е.В.** Своеобразие стилистических средств создания образа в военных рассказах Бориса Горбатова // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1–2. С. 37–49.
- (*Serdechnyy E.V. Svoeobrazie stilisticheskikh sredstv sozdaniya obraza v voennyykh rasskazakh Borisa Gorbatova // Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura. 2016. № 1–2. P. 37–49.*)
- Синицына Н.В.** Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI веков). М.: Индрик, 1998.
- (*Sinitsyna N.V. Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vekov).* Moscow, 1998.)
- Тумаркин Н.** Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1999.
- (*Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia.* Saint-Petersburg, 1999. — In Russ.)
- Усачев А.С.** «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–87.)
- (*Usachev A.S. «Tretiy Rim» ili «Tretiy Kiev»? (Moskovskoe tsarstvo XVI veka v vospriyatiy sovremenников // Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* 2012. № 1. P. 69–87.)
- Чудакова М.О.** Антихристианская мифология советского времени (появление и закрепление в государственном и общественном быту красной пятиконечной звезды как символа нового мира) // Библия в культуре и искусстве: Материалы научной конференции «Виперовские чтения – 1995». М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1996. С. 331–359.
- (*Chudakova M.O. Antikhristianskaya mifologiya sovetskogo vremeni (poyavlenie i zakreplenie v gosudarstvennom i obshchestvennom bytu krasnoy pyatikonechnoy zvezdy kak simvola novogo mira)* // Bibliya v kul'ture i iskusstve. Materialy nauchnoy konferentsii «Vipperovskie chteniya — 1995». Moscow, 1996. P. 331–359.)
- Шишкина Т.** Внездановщина: Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- (*Shishkova T. Vnezhdanovshchina: Sovetskaya poslevoennaya politika v oblasti kul'tury kak dialog s voobrazhaemym Zapadom.* Moscow, 2023.)
- Шкаровский М.В.** Благословление на подвиг // Журнал Московской патриархии. 2021. № 6. С. 12–17.
- (*Shkarovskiy M.V. Blagoslovlenie na podvig // Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii.* 2021. № 6. P. 12–17.)
- Шкаровский М.В.** Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010.
- (*Shkarovskiy M.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX vekе.* Moscow, 2010.)
- Шнирельман В.А.** Антихрист, катехон и Русская революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 488–515.
- (*Shnirel'man V.A. Antikhrist, katekhon i Russkaya revolyutsiya // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom.* 2019. № 1–2. P. 488–515.)
- Якунин В.Н.** Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 годы. Тольятти: Изд-во ТГАС, 2004.
- (*Yakunin V.N. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v gody Veliky Otechestvennoy voyny. 1941–1945 gody.* Tol'yatti, 2004.)
- Brooks J.** Thank you, comrade Stalin!: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Poe M.** Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. № 3. P. 412–429.